

ДИАСПОРАЛЬНОСТЬ И ДИАСПОРИЧНОСТЬ: ОТ ПРОИЗВОДНЫХ ПОНЯТИЙ К НОВОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ДИАСПОРОЛОГИИ

Герман КИМ

Институт азиатских исследований
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
germankim01@yahoo.com

Ссылка на данную статью: Ким Г.Н. Диаспоральность и диаспоричность: от производных понятий к новой аналитической парадигме современной диаспорологии. Казахстане // *SOCIOLOGY. KZ.* – 2026. – №3(3). – С.52 – 67. <https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.27>

Аннотация. В последние десятилетия понятие «диаспора» превратилось в одну из ключевых категорий гуманитарных и социальных наук. Расширение сферы его применения – от классических этнических общностей до транснациональных, цифровых и виртуальных сообществ – существенно обогатило исследовательский инструментарий, но одновременно привело к размыванию аналитических границ данного понятия. В этих условиях возрастает потребность в категориях, позволяющих исследовать не только диаспору как социальную форму, но и процессы формирования, воспроизводства и трансформации диаспорной принадлежности. Цель статьи заключается в реконструкции генезиса понятия *diasporicity*, анализе его использования в современной англоязычной литературе и концептуализации русскоязычных понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» как самостоятельных аналитических категорий современной диаспорологии. Методологическую основу исследования составляют концептуальный анализ, сравнительно-исторический подход и критический обзор англоязычной и русскоязычной научной литературы по проблемам диаспоры, транснационализма, миграции, цифровых коммуникаций и идентичности. Показано, что, несмотря на возрастающую распространенность термина *diasporicity*, он до настоящего времени не получил общепринятой теоретической интерпретации. В статье реконструированы основные этапы эволюции данного понятия, предложено аналитическое разграничение категорий «диаспора», «диаспоризация», «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм», а также раскрыты их взаимосвязи в рамках единой концептуальной модели. Научная новизна исследования состоит в системной концептуализации понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» в русскоязычной научной литературе, обосновании их самостоятельного аналитического статуса и определении эвристического потенциала для исследования современных форм транснациональной, цифровой и постдиаспорной организации. Полученные результаты позволяют перейти от статического понимания диаспоры как фиксированной этнокультурной общности к процессуальному анализу степени, механизмов и форм воспроизводства диаспорной принадлежности.

Ключевые слова: диаспоральность; диаспоричность; диаспоризм, *diasporicity*; диаспоризация; идентичность, транснационализм; цифровая диаспора

ДИАСПОРАЛЫҚТЫҚ ЖӘНЕ ДИАСПОРАЛЫҚ СИПАТ: ТУЫНДЫ ҰҒЫМДАРДАН ҚАЗІРГІ ДИАСПОРАЛОГИЯНЫҢ ЖАҢА АНАЛИТИКАЛЫҚ ПАРАДИГМАСЫНА ДЕЙІН

Герман КИМ

*ал-Фараби атындағы ҚазҰУ Азия зерттеулері институты,
Алматы, Қазақстан*

DIASPORALITY AND DIASPORICITY: FROM DERIVATIVE CONCEPTS TO A NEW ANALYTICAL PARADIGM OF CONTEMPORARY DIASPORA STUDIES

German KIM

Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Аңдатпа. Соңғы онжылдықтарда «диаспора» ұғымы гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдардың негізгі категорияларының біріне айналды. Оны қолдану аясының кеңеюі – классикалық этникалық қауымдастықтардан транснационалдық, цифрлық және виртуалдық қауымдарға дейін – зерттеу құралдарын едәуір байытты, бірақ сонымен бірге осы ұғымның аналитикалық шекараларының жуылуына әкелді. Осындай жағдайда диаспораны тек әлеуметтік форма ретінде ғана емес, сонымен бірге диаспоралық тиістіліктің қалыптасуы, қайта жаңғыру және трансформациялану процестерін зерттеуге мүмкіндік беретін категорияларға деген қажеттілік артады. Мақаланың мақсаты – diasporicity ұғымының генезисін қайта жаңғырту, оның қазіргі ағылшын тілді әдебиетте қолданылуын талдау және қазіргі диаспоралогияның дербес аналитикалық категориялары ретінде «диаспоралықтық» пен «диаспоралық сипат» ұғымдарын тұжырымдамалау. Зерттеудің методологиялық негізін диаспора, транснационализм, миграция, цифрлық коммуникациялар мен идентичтілік проблемалары бойынша ағылшын және орыс тілді ғылыми әдебиеттерге тұжырымдамалық талдау, салыстырмалы-тарихи тәсіл және критикалық шолу құрайды. Diasporicity терминінің кеңінен таралуына қарамастан, ол осы уақытқа дейін жалпыға бірдей қабылданған теориялық түсіндірме алмағаны көрсетілген.

Abstract. In recent decades, the concept of “diaspora” has evolved into one of the key categories of the humanities and social sciences. The expansion of its scope—from classical ethnic communities to transnational, digital, and virtual networks—has significantly enriched the research toolkit, but simultaneously led to the blurring of the concept’s analytical boundaries. Under these conditions, there is a growing need for categories that allow for the investigation not only of diaspora as a social form, but also of the processes of formation, reproduction, and transformation of diasporic belonging. The aim of the article is to reconstruct the genesis of the concept of diasporicity, analyze its usage in contemporary English-language literature, and conceptualize the notions of “diasporality” and “diasporicity” as independent analytical categories of modern diaspora studies. The methodological basis of the research comprises conceptual analysis, a comparative-historical approach, and a critical review of English- and Russian-language scientific literature on diaspora, transnationalism, migration, digital communications, and identity. It is shown that despite the increasing prevalence of the term diasporicity, it has not yet received a generally accepted theoretical interpretation. The article reconstructs the main stages of this concept’s evolution, proposes an analytical differentiation between the categories of “diaspora,” “diasporization,” “diasporality,” “diasporicity,” and “diasporism,” and reveals their interrelationships within a single conceptual model.

Мақалада осы ұғым эволюциясының негізгі кезеңдері қайта жаңғыртылып, «диаспора», «диаспорализация», «диаспоралықтық», «диаспоралық сипат» және «диаспорализм» категорияларын аналитикалық саралау ұсынылған, сондай-ақ біртұтас тұжырымдамалық модель шеңберінде олардың өзара байланыстары ашылған. Зерттеудің ғылыми жаңалығы ғылыми әдебиетте «диаспоралықтық» және «диаспоралық сипат» ұғымдарын жүйелі тұжырымдамалауға, олардың дербес аналитикалық мәртебесін негіздеуде және транснационалдық, цифрлық және постдиаспоралық ұйымдасудың қазіргі формаларын зерттеуге арналған эвристикалық әлеуетін анықтауда болып табылады. Алынған нәтижелер диаспораны бекітілген этномәдени қауымдастық ретінде статикалық түсінуден диаспоралық тиістіліктің қайта жаңғыру дәрежесін, механизмдерін және формаларын процестік талдауға өтуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: диаспоралықтық, диаспоралық сипат, diasporicity, диаспорализация, диаспорализм, идентичтілік, транснационализм, цифрлық диаспора.

The scientific novelty of the study lies in the systematic conceptualization of “diasporality” and “diasporicity” in scholarly literature, the substantiation of their independent analytical status, and the determination of their heuristic potential for studying contemporary forms of transnational, digital, and post-diasporic organization. The obtained results facilitate a transition from a static understanding of diaspora as a fixed ethnocultural community to a processual analysis of the degree, mechanisms, and forms of reproduction of diasporic belonging.

Key words: diaspora, diasporality, diasporicity, diasporism, diasporization, identity transnationalism, digital diaspora.

Введение

На рубеже XX–XXI веков исследования диаспоры превратились в одно из наиболее динамично развивающихся направлений гуманитарных и социальных наук. Если первоначально понятие «диаспора» использовалось главным образом для описания исторического опыта еврейского, армянского и греческого рассеяния, то в дальнейшем сфера его применения существенно расширилась. Сегодня данный термин используется для анализа международной миграции, транснациональных сетей, коллективной идентичности, цифровых сообществ, виртуальных форм взаимодействия и других социальных явлений. В результате диаспора стала рассматриваться не только как особый тип этнической общности, но и как аналитическая категория, применяемая в исследованиях политики, культуры, коммуникации, памяти и глобальной мобильности [1–3].

Расширение исследовательского поля сопровождалось существенной трансформацией самого понимания диаспоры. Классическая модель, основанная на коллективной памяти, мифе возвращения, устойчивой этнокультурной идентичности и институциональной организации, постепенно уступила место конструктивистским и процессуальным интерпретациям. Современные исследования все чаще рассматривают диаспору не как фиксированную социальную структуру, а как динамический процесс, форму коллективного воображения, способ политической мобилизации, сеть транснациональных связей и постоянно воспроизводимую систему культурных практик [4–7].

Вместе с тем расширение содержания понятия «диаспора» породило новую концептуальную проблему. По мере того, как данный термин стал применяться

к чрезвычайно широкому кругу явлений – от классических зарубежных этнических общин до цифровых сетей, профессиональных объединений и виртуальных сообществ, – его аналитическая определенность заметно снизилась. Роджерс Брубейкер охарактеризовал этот процесс как «диаспоризацию самой диаспоры» и предложил рассматривать диаспору не только как ограниченную группу, но и как категорию практики, притязания и позиции [8, с.12-13].

Именно эта концептуальная инфляция обусловила необходимость поиска новых аналитических категорий. В современной литературе постепенно возрастает интерес к понятию *diasporicity*, которое позволяет перенести исследовательский фокус с диаспоры как коллективного субъекта на процессы формирования, поддержания и изменения диаспорной принадлежности. Подобный сдвиг соответствует общей тенденции социальных наук, ориентированных на изучение не столько статических сущностей, сколько процессов, отношений, практик и механизмов социального конструирования. В этом смысле *diasporicity* отражает переход от вопроса «что является диаспорой?» к вопросу «каким образом и в какой степени воспроизводится диаспорная принадлежность?».

Несмотря на постепенно расширяющееся использование термина *diasporicity*, его теоретический статус остается неопределенным. В большинстве публикаций он употребляется эпизодически, без самостоятельного определения, выступая преимущественно как производное от понятия *diaspora* либо как стилистический вариант прилагательного *diasporic*. В отличие от категории *diaspora*, вокруг которой сформировалась обширная теоретическая традиция, *diasporicity* пока не стало предметом системной концептуализации [9–11].

Особенно заметен данный пробел в русскоязычной литературе. Хотя в последние годы все чаще используется понятие «диаспоральность» и значительно реже – «диаспоричность», единых определений, общепринятой терминологии и теоретического разграничения этих категорий пока не существует. В большинстве случаев они выполняют описательную функцию и не включаются в единую систему понятий современной диаспорологии [12–14].

Цель настоящего исследования заключается в реконструкции генезиса понятия *diasporicity*, анализе особенностей его употребления в современной научной литературе и разработке концептуальных оснований для использования понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» в качестве самостоятельных аналитических категорий. Одновременно предпринимается попытка определить их место в системе взаимосвязанных понятий – «диаспора», «диаспоризация» и «диаспоризм» – и показать их значение для дальнейшего развития современной диаспорологии

Методология

Статья основана на концептуальном и сравнительно-историческом анализе современного англо и русскоязычного научного дискурса диаспоры, идентичности и транснационализма. Использование междисциплинарных методов исследования позволяет реконструировать эволюцию "диаспоральности" и "диаспоричности", особенностей их формирования, а также определения их места в со-

временном категориальном аппарате диаспорологии. Теоретическая концепция представляет собой конвергентный симбиоз традиционных направлений диаспорологии, конструктивистских подходов к идентичности, транснационализма, цифровой миграции и платформенной коммуникации. В статье анализируются не только производные от термина «диаспора - понятия, но исследуются динамические процессы формирования, воспроизводства и трансформации диаспор в контексте цифровизации, множественных идентичностей и полицентричных транснациональных связей. Такой подход открывает новый эвристический подход к изучению диаспоры, дающий возможности разработки процессуального подхода в изучение процесса диаспоризации.

1. Генезис понятия *diasporicity* и формирование концепций диаспоральности и диаспоричности

Появление новых научных понятий, как правило, отражает изменение исследовательской перспективы и свидетельствует о том, что существующий категориальный аппарат перестает адекватно описывать новые социальные явления. Именно такая ситуация сложилась в современной диаспорологии. Расширение содержания понятия *diaspora*, обусловленное развитием исследований транснационализма, глобальной мобильности и цифровых коммуникаций, постепенно выявило ограниченность традиционного понятийного аппарата. Если классические концепции были ориентированы преимущественно на определение того, что представляет собой диаспора, то современные исследования все чаще обращаются к анализу того, каким образом формируется, воспроизводится и изменяется диаспорная принадлежность.

Одним из результатов подобной трансформации стало распространение в англоязычной литературе понятия *diasporicity*. В отличие от терминов *transnationalism*, *hybridity*, *intersectionality* или *superdiversity*, возникновение которых сопровождалось программными работами и интенсивными теоретическими дискуссиями, *diasporicity* вошло в научный оборот практически незаметно. На протяжении длительного времени оно употреблялось эпизодически, без специального определения и без попыток придать ему статус самостоятельной аналитической категории.

Поиск публикаций, в названиях которых используется термин *diasporicity*, показывает, что соответствующий корпус исследований остается ограниченным. Большинство авторов продолжают использовать понятия *diaspora*, *diasporic*, *diasporization* или *diasporism*, тогда как *diasporicity* фигурирует преимущественно в тексте работ и обычно не сопровождается концептуальным осмыслением. Подобная ситуация создает парадокс: термин постепенно входит в академический оборот, однако его теоретический статус остается неопределенным. Иными словами, понятие используется значительно чаще, чем определяется.

С лингвистической точки зрения термин *diasporicity* представляет собой производное существительное, образованное от прилагательного *diasporic* посредством английского суффикса *-ity*, обозначающего качество, состояние или степень проявления определенного свойства. Следовательно, сама языковая структура слова предполагает его интерпретацию как характеристики определенного

состояния, а не как обозначения социальной общности. В буквальном смысле diasporicity означает «состояние быть диаспорным» или «качество диаспорности». Однако подобное лингвистическое значение само по себе еще не определяет его научного содержания.

Одной из первых специальных публикаций, вынесших diasporicity непосредственно в заголовок исследования, стала статья Раджиндера Дудра «Diasporicity in the City of Portsmouth (UK): Local and Global Connections of Black Britishness» (2004). Исследуя сообщества выходцев из Южной Азии, Африки и Карибского бассейна в Портсмуте, автор показывает, что диаспорная идентичность формируется в результате постоянного взаимодействия локальных городских практик и глобальных культурных связей. В его интерпретации diasporicity означает не принадлежность к определенной этнической группе как таковой, а динамический процесс производства культурной принадлежности в условиях одновременного включения в несколько социальных пространств [10].

Дальнейшее развитие понятия связано с работой Биби Бакаре-Юсуф «Rethinking Diasporicity: Embodiment, Emotion and the Displaced Origin» (2008). В отличие от Дудра, сосредоточенного преимущественно на пространственных аспектах диаспорной жизни, Бакаре-Юсуф переносит внимание на субъективное переживание принадлежности. Используя категории телесности, эмоциональной памяти и аффекта, исследовательница показывает, что диаспорная идентичность представляет собой непрерывный процесс становления, а не фиксированное состояние [9].

Значимый вклад в теоретизацию близкого франкоязычного понятия diasporicité внесла Анне-Кристин Тремон. На материале китайского случая она предложила рассматривать диаспоричность не как простое обозначение существования диаспоры, а как аналитическую категорию, позволяющую исследовать исторические и социальные условия поддержания, воспроизводства и трансформации диаспорного состояния. Вместо противопоставления «центрированных» и «децентрированных» диаспор исследовательница обращается к diasporic problematics – совокупности механизмов, посредством которых диаспорная принадлежность сохраняется и переосмысливается во времени [11].

Несмотря на различия исследовательских подходов, эти работы демонстрируют возможность перехода от понимания диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу изменчивых форм диаспорной принадлежности. Вместе с тем ни одна из них не ставила целью разработку общей теории diasporicity. Поэтому дальнейшая судьба понятия оказалась тесно связана с общими тенденциями развития современной диаспорологии.

Работы Роджерса Брубейкера, Джеймса Клиффорда, Стюарта Холла, Стефана Дюфуа и других исследователей постепенно сместили внимание с поиска универсального определения диаспоры на изучение процессов конструирования идентичности, транснациональных практик, культурной гибридности и множественных форм принадлежности. Брубейкер предложил анализировать диаспору как категорию практики, притязания и позиции [8, с. 12–13]. Клиффорд подчеркивал гибридность, множественность маршрутов и постоянное движение между культурными пространствами [4, с. 307–310; 5, с. 249–251]. Холл рассматривал культурную

идентичность как процесс становления, в котором прошлое постоянно переосмысливается под воздействием истории и отношений власти [6, с. 225–237]. Дюфуа показал, что история понятия *diaspora* представляет собой процесс расширения его семантических, политических и академических употреблений [15].

В 2010–2020-е годы ситуация начала меняться под влиянием цифрового поворота. Исследования цифровых диаспор показали, что современные формы диаспорной принадлежности все меньше определяются исключительно территориальной локализацией и все больше формируются посредством цифровых коммуникаций, социальных платформ и сетевых инфраструктур [16–22]. В цифровой среде поддержание идентичности, культурной памяти, транснациональных семейных отношений и политической мобилизации становится возможным независимо от непосредственной физической близости участников.

Современный процессуальный поворот также подтверждается концепцией *diaspora-forming processes*, предложенной Патрицией Тшешиньской и Гжегожем Демелем. Авторы предлагают отказаться от эссенциалистского понимания диаспоры как заранее существующей однородной общности и сосредоточиться на социальных воображениях, культурных практиках и отношениях, посредством которых диаспора формируется и непрерывно переопределяется [23].

Таким образом, развитие понятия *diasporicity* можно представить в виде трех этапов. На первом этапе оно употреблялось как языковое производное от *diaspora*. Второй этап связан с локальными концептуализациями Дудра, Бакаре-Юсуф и Тремон, рассматривавших диаспоричность как культурный опыт, переживание принадлежности и исторически воспроизводимое состояние. Третий этап формируется в условиях цифровой трансформации и процессуального поворота, когда возникает потребность описывать гибкие, многоуровневые и изменяющиеся формы диаспорной связи, не сводимые к категории «диаспора».

2. Концептуализация категорий «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм»

2.1. От производных терминов к самостоятельным аналитическим категориям

В русскоязычной научной литературе понятие *diasporicity* получило две основные формы передачи – «диаспоральность» и «диаспоричность». Несмотря на внешнюю близость, эти термины целесообразно рассматривать не как полные синонимы, а как взаимосвязанные категории с различными аналитическими функциями.

Анализ публикаций, представленных в eLIBRARY, показывает, что термин «диаспоральность» используется значительно чаще, чем «диаспоричность». Как правило, он применяется для характеристики коллективной идентичности, этнокультурной солидарности, социальных связей и отношений с исторической родиной [12–14, 24, 25]. При этом единого определения понятия не сформировалось, а его содержание варьируется в зависимости от исследовательской задачи. Публикации с термином «диаспоричность» в названии в русскоязычном корпусе практически отсутствуют. Это обстоятельство свидетельствует о том, что термин

пока не институционализирован, но одновременно создает пространство для его целенаправленной концептуализации.

Использование двух производных терминов следует рассматривать не как недостаток терминологии, а как возможность аналитически развести различные аспекты существования диаспоры и тем самым расширить исследовательский инструментарий.

2.2. Диаспоральность как характеристика состояния

В настоящем исследовании предлагается рассматривать диаспоральность как интегральную характеристику состояния диаспоры, отражающую совокупность устойчивых социальных, культурных, институциональных и символических признаков, обеспечивающих существование диаспоры как особой формы коллективной организации.

Диаспоральность характеризует прежде всего общность и уровень ее институциональной сформированности. Она охватывает устойчивость коллективной идентичности, наличие социальных институтов и организаций, сохранение исторической памяти, функционирование культурных практик, поддержание языка и символической связи с исторической родиной. Иначе говоря, диаспоральность представляет собой структурную характеристику диаспоры, позволяющую оценивать степень ее организационной зрелости и устойчивости.

Такое понимание не предполагает неизменности диаспоры. Напротив, ее структурное состояние воспроизводится посредством непрерывного поддержания институтов, памяти, культурных практик и транснациональных связей. Следовательно, диаспоральность обозначает относительно устойчивый результат процессов диаспоризации и коллективного воспроизводства.

2.3. Диаспоричность как степень и динамика воспроизводства принадлежности

Иной аналитический статус имеет понятие «диаспоричность». Если диаспоральность описывает состояние общности, то диаспоричность характеризует степень, формы и динамику проявления диаспорной принадлежности. Объектом анализа становятся механизмы возникновения чувства принадлежности, межпоколенческая трансформация идентичности, интенсивность транснациональных практик, способы культурного воспроизводства и характер символической связи с исторической родиной.

В предлагаемой интерпретации диаспоричность выступает процессуальной и континуальной категорией. Она позволяет отказаться от бинарного противопоставления «диаспора – не диаспора» и перейти к исследованию различных уровней и режимов включенности индивидов и групп в диаспорные процессы. Исследовательский вопрос при этом меняется: вместо определения того, является ли группа диаспорой, анализируется, в какой степени, посредством каких механизмов и в каких социальных условиях воспроизводится диаспорная принадлежность.

Диаспоричность может усиливаться или ослабевать в зависимости от поколения, жизненного этапа, политической ситуации, миграционного опыта, инсти-

туционального участия и цифровой вовлеченности. Поэтому она особенно продуктивна для исследования современных мобильных и сетевых сообществ, чья принадлежность не является ни единой, ни постоянной.

2.4. Диаспоризм как нормативно-концептуальное измерение

Логическим продолжением предлагаемой системы понятий является категория «диаспоризм». В отличие от диаспоральности и диаспоричности она характеризует нормативно-ценностное и концептуальное измерение существования диаспоры.

Под диаспоризмом предлагается понимать совокупность идей, ценностей, культурных установок, социальных практик и транснациональных принципов, ориентированных на сохранение, самоорганизацию и развитие диаспорной общности вне страны происхождения. В этом значении диаспоризм может проявляться как идеология коллективной солидарности, деятельность организаций и активистов, мировоззрение субъекта, принадлежащего нескольким культурным пространствам, а также как исследовательский подход к изучению диаспор.

Подобная интерпретация носит рабочий характер и требует дальнейшей теоретической и эмпирической проверки. Вместе с тем она позволяет отличить диаспоризм от диаспоризации: если диаспоризация обозначает процесс формирования и мобилизации диаспоры, то диаспоризм относится к системе идей и принципов, которые направляют ее самоорганизацию и концептуальное осмысление.

Таблица-1. Авторская аналитическая модель. Предлагаемая система понятий включает пять взаимосвязанных, но не взаимозаменяемых аналитических уровней:

Категория	Основной объект анализа	Ключевой исследовательский вопрос
Диаспора	Социальная общность	Что представляет собой диаспора?
Диаспоризация	Процесс возникновения и мобилизации	Каким образом возникает и конструируется диаспора?
Диаспоральность	Структурное состояние общности	Насколько сформирована и устойчива диаспора?
Диаспоричность	Степень, формы и динамика принадлежности	Как и в какой степени воспроизводится диаспорная принадлежность?
Диаспоризм	Нормативно-ценностная и концептуальная система	Какие идеи и принципы направляют существование и исследование диаспоры?

Примечание. Разработано автором.

В совокупности эти категории образуют многоуровневую модель, позволяющую перейти от описания диаспоры как фиксированной социальной общности к комплексному анализу механизмов ее возникновения, структурной устойчивости, динамики принадлежности и нормативно-концептуального воспроизводства.

Рисунок-1. Система аналитических категорий современной диаспорологии

Примечание. Разработано автором.

3. Аналитический и эвристический потенциал концепции diasporicity

Концептуализация категорий «диаспоральность» и «диаспоричность» имеет значение не только для уточнения понятийного аппарата. Ее главная ценность заключается в изменении исследовательской перспективы: от описания диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу процессов, механизмов и степени воспроизводства диаспорной принадлежности.

Подобная смена исследовательской логики отражает общую тенденцию современной социальной теории. Идентичность, этничность, нация, гражданство и культура все чаще рассматриваются не как фиксированные сущности, а как процессы, практики и отношения. Аналогичным образом диаспора начинает интерпретироваться как динамическая форма коллективной организации, воспроизводимая посредством социальных, культурных, политических и цифровых практик.

3.1. Преодоление бинарной модели диаспоры

Одним из наиболее существенных преимуществ предлагаемой концепции является возможность преодоления бинарного понимания диаспоры. В классических теориях исследователь обычно стремится определить, соответствует ли конкретная общность совокупности признаков диаспоры. В результате анализ строится по принципу «да – нет»: группа либо признается диаспорой, либо исключается из данной категории.

Современные миграционные процессы демонстрируют более сложную картину. Многие сообщества сохраняют лишь отдельные элементы коллективной памяти, языка, этнокультурных институтов или символической связи с исторической родиной. Другие активно поддерживают транснациональные контакты, частично утратив культурную автономию. В подобных условиях принадлежность к диаспоре приобретает континуальный характер.

Категория диаспоричности позволяет рассматривать принадлежность как изменяющуюся величину, характеризующуюся различной интенсивностью, формами проявления и механизмами воспроизводства. Тем самым исследователь

получает возможность анализировать не только наличие диаспоры, но и степень выраженности ее характеристик.

3.2. Интеграция исследовательских традиций

Современная диаспорология развивается одновременно в нескольких направлениях. Классическая теория анализирует историческое происхождение и коллективную память; конструктивистская традиция – процессы формирования идентичности; теория транснационализма – многоуровневые социальные связи; цифровые исследования – платформенные формы коммуникации; культурная антропология – повседневные практики; исследования памяти – механизмы воспроизводства коллективного прошлого.

Предлагаемая концепция диаспоричности может выполнять интегративную функцию, объединяя эти традиции посредством общего предмета анализа – механизмов воспроизводства диаспорной принадлежности. Поэтому диаспоричность следует рассматривать не как альтернативу существующим теориям, а как связующую аналитическую категорию, обеспечивающую концептуальный диалог между ними.

3.3. Диаспоричность в условиях цифровой трансформации

Особую эвристическую ценность концепция приобретает в условиях цифровизации социальных отношений. Современные формы диаспорной жизни все в большей степени формируются посредством социальных сетей, цифровых платформ, виртуальных сообществ, онлайн-образования, цифровых архивов и транснациональных коммуникационных инфраструктур. Территориальная локализация постепенно перестает быть обязательным условием поддержания диаспорной связи.

Цифровые технологии позволяют воспроизводить коллективную память, культурную идентичность, языковые практики и транснациональные связи независимо от территориальной близости участников. При этом степень участия отдельных индивидов становится более изменчивой: один и тот же человек может усиливать или ослаблять диаспорную вовлеченность в зависимости от жизненного этапа, профессиональной мобильности, семейных обстоятельств, политической ситуации и алгоритмически организованных коммуникаций.

Понятие диаспоричности позволяет описывать именно такую динамику включенности, рассматривая принадлежность не как неизменное состояние, а как непрерывно воспроизводимую практику. В этом смысле цифровая эпоха не только расширяет эмпирическое поле, но и создает предпосылки для формирования новой аналитической категории.

3.4. Методологические возможности эмпирических исследований

Введение категории диаспоричности открывает перспективы для эмпирической операционализации. Новый подход позволяет перейти к разработке системы показателей, отражающих различные измерения диаспорной принадлежности.

К числу возможных индикаторов относятся интенсивность транснациональных контактов, участие в этнокультурных организациях, использование языка про-

исхождения, практики коллективной памяти, уровень цифровой вовлеченности, символическая связь с исторической родиной, характер культурного потребления, участие в сетевых сообществах и готовность к коллективной мобилизации.

Диаспоричность может быть операционализирована как многомерная аналитическая переменная, допускающая качественное и количественное исследование. Это расширяет возможности сравнительного анализа различных диаспор, изучения межпоколенческих изменений и исследования трансформации принадлежности во времени.

3.5. Применение к постсоветским диаспорам

Дополнительные аналитические возможности открываются при изучении постсоветского пространства. Для многих бывших советских диаспор характерны множественные культурные ориентации, многоязычие, неоднородная историческая память, различные стратегии интеграции и разнообразные модели взаимодействия как со страной проживания, так и с исторической родиной.

Использование исключительно категории «диаспора» в подобных условиях оказывается недостаточным. Концептуальная пара «диаспоральность – диаспоричность» позволяет различать структурную сформированность общности и изменчивую степень индивидуальной либо групповой принадлежности, а также анализировать сохранение языка, этнокультурных практик, символической памяти, цифровых сетей и транснациональных контактов как отдельные измерения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что понятия «диаспоральность» и «диаспоричность» постепенно эволюционируют из производных языковых образований в самостоятельные аналитические категории современной диаспорологии. Их появление отражает не только развитие научной терминологии, но и более глубокую трансформацию исследовательской парадигмы, связанную с переходом от изучения диаспоры как относительно устойчивой социальной общности к анализу процессов формирования, воспроизводства и изменения диаспорной принадлежности.

Реконструкция генезиса понятия *diasporicity* показала, что его распространение опережает теоретическое осмысление. Несмотря на использование в исследованиях миграции, транснационализма, цифровых коммуникаций и культурной идентичности, данное понятие до настоящего времени не получило общепринятой концептуальной интерпретации. Тем самым сформировался теоретический пробел: отсутствие категории, способной описывать не столько факт существования диаспоры, сколько интенсивность, механизмы и динамику принадлежности к ней.

Предлагаемая концептуализация позволяет частично восполнить данный пробел. В статье обосновано разграничение взаимосвязанных, но не тождественных категорий «диаспора», «диаспоризация», «диаспоральность», «диаспоричность» и «диаспоризм», каждая из которых отражает самостоятельный уровень анализа. Диаспора обозначает социальную общность; диаспоризация – процессы ее возникновения и мобилизации; диаспоральность – структурное состояние и сте-

пень институциональной сформированности; диаспоричность – интенсивность, формы и динамику принадлежности; диаспоризм – систему идей, ценностей и исследовательских принципов, связанных с существованием диаспоры.

Научная новизна исследования состоит не только в реконструкции истории понятия *diasporicity*, но прежде всего в разработке его концептуальной интерпретации применительно к русскоязычной научной традиции. Предложенное разграничение понятий «диаспоральность» и «диаспоричность» выводит исследование за рамки терминологического уточнения и формирует основу для многоуровневой теории диаспорных процессов.

Особую значимость предложенная концепция приобретает в условиях цифровой трансформации. Современные формы диаспорной жизни все в меньшей степени определяются территориальной локализацией, и все в большей степени зависят от цифровых коммуникаций, транснациональных сетей, платформенной инфраструктуры и множественных форм мобильности. В подобных условиях анализ только институциональных характеристик диаспоры становится недостаточным; необходимо исследовать изменяющуюся интенсивность принадлежности и способы ее цифрового воспроизводства.

Перспективы дальнейших исследований

Предложенная система категорий открывает несколько взаимосвязанных направлений дальнейших исследований. Первое связано с операционализацией диаспоричности посредством разработки качественных и количественных индикаторов, позволяющих измерять интенсивность принадлежности, сравнивать диаспоры и анализировать их динамику во времени.

Второе направление предполагает сравнительное исследование различных моделей диаспоральности и диаспоричности – классических, постсоветских, цифровых, предпринимательских, образовательных и профессиональных. Такая перспектива позволяет избежать сведения всего многообразия диаспор к единой нормативной модели.

Третья задача заключается в изучении влияния цифровых платформ, алгоритмов и сетевых инфраструктур на формирование новых режимов принадлежности. Это позволит перейти от общего описания цифровых диаспор к анализу конкретных механизмов платформенной мобилизации, цифровой памяти и транснациональной коммуникации.

Четвертое направление связано с межпоколенческой динамикой. Категория диаспоричности позволяет исследовать, каким образом язык, память, символическая родина и институциональное участие трансформируются у второго, третьего и последующих поколений, не предполагая линейной ассимиляции или неизбежного исчезновения диаспоры.

Пятое направление предполагает дальнейшую разработку понятия «диаспоризм» и проверку его объяснительного потенциала. Необходимо определить, в какой мере оно может использоваться для анализа идеологий, стратегий самоорганизации, политических проектов и академических подходов, связанных с диаспорами.

Наконец, предложенная модель создает основу для новой сравнительной методологии, ориентированной не на поиск универсального определения диаспоры, а на изучение различных уровней, способов и механизмов воспроизводства принадлежности в условиях глобальной мобильности и цифровизации. Если классическая диаспорология была сосредоточена преимущественно на вопросе «что представляет собой диаспора?», то современный этап ее развития все более закономерно приводит к другому вопросу: «каким образом, посредством каких социальных, культурных, политических и цифровых механизмов воспроизводится диаспорная принадлежность?». Понятия «диаспоральность» и «диаспоричность» призваны стать инструментами решения именно этой исследовательской задачи.

Финансирование

Исследование не имело финансовой поддержки.

Список литературы

1. Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. – London: Routledge, 2008. – 240 p.
2. Vertovec S. Three meanings of “diaspora,” exemplified among South Asian religions // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1997. – Vol. 6, No. 3. – P. 277–299.
3. Vertovec S. Transnationalism. – London: Routledge, 2009. – 216 p.
4. Clifford J. Diasporas // *Cultural Anthropology*. – 1994. – Vol. 9, No. 3. – P. 302–338.
5. Clifford J. Routes: Travel and translation in the late twentieth century. – Cambridge: Harvard University Press, 1997. – 408 p.
6. Hall S. Cultural identity and diaspora // *Identity: Community, culture, difference* / Ed. by J. Rutherford. – London: Lawrence & Wishart, 1990. – P. 222–237.
7. Sökefeld M. Mobilizing in transnational space: A social movement approach to the formation of diaspora // *Global Networks*. – 2006. – Vol. 6, No. 3. – P. 265–284.
8. Brubaker R. The “diaspora” diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. – 2005. – Vol. 28, No. 1. – P. 1–19.
9. Bakare-Yusuf B. Rethinking diasporicity: Embodiment, emotion, and the displaced origin // *African and Black Diaspora: An International Journal*. – 2008. – Vol. 1, No. 2. – P. 147–158.
10. Dudrah R.K. Diasporicity in the city of Portsmouth (UK): Local and global connections of Black Britishness // *Sociological Research Online*. – 2004. – Vol. 9, No. 2. – P. 35–45.
11. Trémon A.-C. Diasporicité et problématique diasporique: Réflexions à partir du cas chinois // *Tracés*. – 2012. – No. 23. – P. 131–150.
12. Аветян Н.С. Понятия «диаспора» и «диаспоральность» в современной социологии // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 95–102.
13. Газзаева В.И. Диаспоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 17–33.
14. Расолько И.Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 34–45.
15. Dufoix S. The dispersion: A history of the word diaspora. – Leiden: Brill, 2017. – 518 p.
16. Andersson K.B. Digital diasporas: An overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review // *Human Technology*. – 2019. – Vol. 15, No. 2. – P. 142–180.

17. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas: Identity and transnational engagement. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 274 p.
18. Diminescu D. The connected migrant: An epistemological manifesto // *Social Science Information*. – 2008. – Vol. 47, No. 4. – P. 565–579.
19. Georgiou M. Diaspora in the digital era: Minorities and media representation // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. – 2013. – Vol. 12, No. 4. – P. 80–99.
20. Leurs K. Digital passages: Migrant youth 2.0. Diaspora, gender and youth cultural intersections. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. – 314 p.
21. Madianou M., Miller D. Migration and new media: Transnational families and polymedia. – London: Routledge, 2012. – 176 p.
22. Ponzanesi S., Leurs K. Digital migration studies // *Communication, Culture & Critique*. – 2022. – Vol. 15, No. 2. – P. 103–110.
23. Trzeczynńska P., Demel G. From differences to relations: Towards diaspora-forming processes // *International Migration*. – 2025. – Vol. 63. – Art. e13361.
24. Мосейкина М.Н. Русская диаспоральность и проблема сохранения национальной идентичности послереволюционной эмиграции // *Материалы IX Всероссийской научно-теоретической конференции*. – М., 2005. – С. 166–175.
25. Нам И.В. Немецкие колонии в Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности // *Немцы России и СССР. 1901–1941: Материалы международной научной конференции* / ред. А.А. Герман. – М., 2000. – С. 17–30.

Transliteration

1. Cohen R. Global diasporas: An introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2008. 240 p.
2. Vertovec S. Three meanings of “diaspora,” exemplified among South Asian religions. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*, 1997, vol. 6, no. 3, pp. 277–299. DOI: 10.3138/diaspora.6.3.277.
3. Vertovec S. Transnationalism. London: Routledge, 2009. 216 p.
4. Clifford J. Diasporas. *Cultural Anthropology*, 1994, vol. 9, no. 3, pp. 302–338. DOI: 10.1525/can.1994.9.3.02a00040.
5. Clifford J. Routes: Travel and translation in the late twentieth century. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 408 p.
6. Hall S. Cultural identity and diaspora. Identity: Community, culture, difference. Ed. by J. Rutherford. London: Lawrence & Wishart, 1990, pp. 222–237.
7. Sökefeld M. Mobilizing in transnational space: A social movement approach to the formation of diaspora. *Global Networks*, 2006, vol. 6, no. 3, pp. 265–284. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2006.00144.x.
8. Brubaker R. The “diaspora” diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 2005, vol. 28, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.1080/0141987042000289997.
9. Bakare-Yusuf B. Rethinking diasporicity: Embodiment, emotion, and the displaced origin. *African and Black Diaspora: An International Journal*, 2008, vol. 1, no. 2, pp. 147–158. DOI: 10.1080/17528630802224056.
10. Dudrah R.K. Diasporicity in the city of Portsmouth (UK): Local and global connections of Black Britishness. *Sociological Research Online*, 2004, vol. 9, no. 2, pp. 35–45. DOI: 10.5153/sro.901.
11. Trémon A.-C. Diasporicité et problématique diasporique: Réflexions à partir du cas chinois. *Tracés*, 2012, no. 23, pp. 131–150. DOI: 10.4000/traces.5583.
12. Avetyan N.S. Ponyatiya «diaspora» i «diasporal'nost'» v sovremennoy sotsiologii [Concepts of “diaspora” and “diasporality” in modern sociology]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 95–102. (in Russian)

13. Gazzayeva V.I. Diasporal'nost' osetinskoy obshchnosti v usloviyakh severokavkazskoy diaspory Turtsii [Diasporality of the Ossetian community in the conditions of the North Caucasian diaspora of Turkey]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 17–33. (in Russian)
14. Rasol'ko I.D. Perspektivy primeneniya ponyatiy «diaspora» i «diasporal'nost'» v sotsiologicheskom analize [Prospects for applying the concepts of "diaspora" and "diasporality" in sociological analysis]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2025, vol. 14, no. 1, pp. 34–45. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.1.1. (in Russian)
15. Dufoix S. The dispersion: A history of the word diaspora. Leiden: Brill, 2017. 518 p.
16. Andersson K.B. Digital diasporas: An overview of the research areas of migration and new media through a narrative literature review. *Human Technology*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 142–180. DOI: 10.17011/ht/urn.201906123154.
17. Brinkerhoff J.M. Digital diasporas: Identity and transnational engagement. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 274 p.
18. Diminescu D. The connected migrant: An epistemological manifesto. *Social Science Information*, 2008, vol. 47, no. 4, pp. 565–579. DOI: 10.1177/0539018408096447.
19. Georgiou M. Diaspora in the digital era: Minorities and media representation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 2013, vol. 12, no. 4, pp. 80–99.
20. Leurs K. Digital passages: Migrant youth 2.0. Diaspora, gender and youth cultural intersections. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 314 p.
21. Madianou M., Miller D. Migration and new media: Transnational families and polymedia. London: Routledge, 2012. 176 p.
22. Ponzanesi S., Leurs K. Digital migration studies. *Communication, Culture & Critique*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 103–110. DOI: 10.1093/ccc/tcac017.
23. Trzeczczynska P., Demel G. From differences to relations: Towards diaspora-forming processes. *International Migration*, 2025, vol. 63, art. e13361. DOI: 10.1111/imig.13361.
24. Moseykina M.N. Russkaya diasporal'nost' i problema sokhraneniya natsional'noy identichnosti poslerevolutsionnoy emigratsii [Russian diasporality and the problem of preserving national identity of post-revolutionary emigration]. *Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Moscow, 2005, pp. 166–175. (in Russian)
25. Nam I.V. Nemetskie kolonii v Sibiri v nachale XX veka v kontekste mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [German colonies in Siberia at the beginning of the 20th century in the context of the problem of diasporality]. *Nemtsy Rossii i SSSR. 1901–1941* / Ed. A.A. German. Moscow, 2000, pp. 17–30. (in Russian)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Герман Николаевич Ким	Директор Института азиатских исследований КазНУ им. аль-Фараби, кандидат философских наук, доктор исторических наук, профессор, Алматы, Казахстан, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040
Герман Николаевич Ким	эл-Фараби атындағы ҚазҰУ Азия зерттеулері институтының директоры, философия ғылымдарының кандидаты, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Алматы, Қазақстан, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040
German Nikolayevich Kim	Director of the Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Almaty, Kazakhstan, email: germankim01@yahoo.com, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4742-1040